

Фантастический рассказ

Мэйдэй — международный сигнал бедствия, подаваемый с летательных аппаратов.

1

Владимир оторвался от видюкскателя, опустил кинокамеру и осмотрелся. Теперь, когда он не был занят делом, а азарт риска и первоисследования спал, он особенно остро ощутил тяжелую красоту странного мира, который его окружал. Этот мир пугал, заставлял любоваться собой и оставлял двойственное чувство восторга и тревоги. Темные, с просинью и желтизной отвесные стены, украшенные белыми дымами фумарол, взлетали на двухсотметровую высоту и острыми рваными крылами резали небесную синь. Застывшее лавовое дно кальдеры рассекала свежая трещина с вывернутыми титаническим напором краями. Вдоль трещины — паразитные конусы в не-

сколько метров высотой, которые, как грибы, выросли тут за одну ночь. Гигантские злобные грибы-дождевики, воюющие и ревущие раскаленными дымами, с громом и рыканьем плюющиеся в небо фонтанами огня и комьями раскаленной лавы. Описывая в небе фейерверочные пересекающиеся траектории, эти комья быстро тускнели, гасли и уже не огненным, а черным дождем вулканических бомб с сочными шлепками валились вокруг, будто куски теста. Хорошо еще, что скорость падения их была невелика и от них нетрудно было уклониться. Сама Земля, несокрушимая твердыня и опора всего сущего, здесь дрожала и сотрясалась в яростном лихорадочном пароксизме. Так и казалось, что там, внизу, работают чудовищные могучие машины, выполняя извечное неведомое людям назначение, а Земля — это вовсе и не земля, а палуба колдовского корабля, который, выжимая из своих ходовых двигателей все, что можно, летит по тяжелым вязким волнам к заветной цели.

Владимир вытер с лица пот и осмотрелся. Тор забрался так далеко, что его массивную фигуру едва можно было различить среди причудливых лавовых натеков и сооружений. Но за железного, рассудительного Тора Владимир ни капли не волновался. Инга и Гарун были с другой стороны от Владимира, они колдовали у трещины, там, где было поспокойнее. Судя по всему, они с помощью ручного локатора замеряли в равных точках ее глубину. Эта неэффективная, казалось бы, неинтересная и черновая работа была, пожалуй, самой ценной с научной точки зрения. Молодец Инга! Если бы не она, им, рядовым туристам, никогда бы не побывать в кратере пробуждающегося вулкана. Когда утром они обнаружили эту трещину, Инга заявила, что умрет, а побывает там, внизу, в самой утробе дьявола. Рассудительный Тор пробовал возражать, утверждая, что они не подготовлены и не экипированы для такой операции. На что Инга спокойно заявила, что в крайнем случае она пойдет туда одна. Нельзя упускать такой случай! Ингу немедленно поддержали без памяти влюбленный в нее Гарун и восторженный Ришар, так что Владимиру, старшему туристской группы, пришлось капитулировать. Тем более что контрольный пост безопасности молчал и не передал запрещения на посещение кратера. Теперь Владимир был благодарен Инге за безрассудство. Нельзя упустить такой случай!

2

Ближний космос! Черно-бархатное небо, украшенное узором крупных драгоценных звезд и небрежно засыпанное тлеющей звездной пылью. Косматое сердитое солнце, щедро льющее потоки слепящего света. Необъятная голубая ширь окруженного узором белых облаков океана, с ощутимой округлостью расстилающаяся внизу. Голубовато-радужная гагаринская кайма на горизонте, граница Земли и неба, и радостная, и грустная в одно и то же время. И острова, острова! Большие и малые острова, грудь встречающие пас-

сат и, словно корабли, рассекающие неторопливые океанские волны. Все это привычно, знакомо и все-таки прекрасно. Не удивительно, что прогулочная палуба орбитального лайнера «Радуга», совершающего экскурсионные рейсы вокруг Земли, была заполнена пассажирами. Они стояли у самых бортов, расплющив любопытные носы о прозрачную броню палубного покрытия. Искусственная гравитация, напряженность которой была в три раза меньше земной, придавала движениям людей необычную грацию и пластику. Ночную сторону галереи облюбовали влюбленные парочки, шептавшиеся о чем-то своем, старом как мир и вечно новом. На спортплощадке те, для кого космос перестал быть диковинкой, играли в волейбол. И странно было видеть эту древнюю игру, развивающуюся точно при замедленной съемке: необычно высокие взлеты мяча, гигантские прыжки и при-

Рисунки Н. ГРИШИНА

чудливые броски игроков, которые не всегда укрощали свои движения и порой валились на площадку в диковинных позах, вызывая хохот окружающих.

С непринужденным весельем, бесхитростной любознательностью и праздничным настроением окружающих резко контрастировала безмятежно-покойная поза человека, дремавшего

го в комфортабельном шезлонге. Это был средних лет мужчина с четко прописанными, но не резкими чертами лица. Ладная фигура и непринужденная поза дремавшего говорили о сдержанной неброской силе, таившейся в расслабленном сейчас теле. Его никто не знал, хотя круиз по достопримечательностям Земли продолжался пятые сутки и большинство пассажиров давно успели перезнакомиться. Он появился на последней стоянке. Первые пассажиры, появившиеся на прогулочной палубе после выхода лайнера на орбиту, уже нашли его невозмутимо дремлющим в шезлонге.

Этот странный человек вызывал недоумение и насмешки. Спать на прогулочной палубе экскурсионного лайнера! Что может быть нелепее? Стоило подниматься на борт и занимать место! Прогуливающиеся косились и обменивались отнюдь не лестными для него репликами.

— Забавный экземпляр. Впал в спячку не зимой, а в середине лета.

— Но именно так и поступают некоторые животные пустынь.

— Что-то он не похож на пустытника.

— Бедная жертва гипноза!

— Скорее это нервное.

— Ах, может быть, мы видим эксперимент, который опровергнет устои современной космонавтики!

— Сенсация! Лечение бессонницы орбитальными круизами!

Неизвестно, слышал ли дремавший в шезлонге эти реплики, но его твердо очерченные губы время от времени трогала легкая улыбка. И было в его лице и позе нечто такое, что мешало быть репликам слишком явными и громкими. Их произносили вполголоса и торопились пройти мимо. Это нечто уловила совсем молоденькая девушка, шепнувшая на ухо своему спутнику:

— Смотри, спящий лев!

Юноша хотел согласиться, но, покосившись на тонкий профиль подруги, нахмурился и с ноткой ревности в голосе возразил:

— Спящий — это верно. Но не лев, а медведь.

3

Владимир обернулся к Ришару. Позабыв про свой газоанализатор, тот восторженными и испуганными глазами смотрел в дальний угол кальдеры, где за султаном дыма, паров и газов скрывалось лавовое озеро.

В этом мире неумного слепого буйства дымный султан вел себя с пугающим спокойствием и изяществом. Точно злой дух поднимался из чрева земли, упрямо тянулся к небу, упираясь в самые облака, и колыхался в змеином завораживающем танце. Когда менялся ветер, этот подземный дух лениво протягивал к Владимиру и Ришару свои струящиеся эфемерные щупальца. И сразу же глаза застилала слезы, перехватывало дыхание, а легкие начинал раздирать режущий

надсадный кашель. Конечно, можно было надеть респиратор, болтавшийся у пояса, но едва Владимир собирался это сделать, как дым насмешливо уползал в сторону, позволяя легким снова пополниться живительным кислородом. Лишь иногда, будто поддразнивая людское любопытство, дымный султан изгибался, откидываясь в сторону, и тогда можно было разглядеть, как о раскаленные вишневые откосы кальдеры бьются вязкие пунцовые волны.

Владимир положил руку на плечо товарища, и Ришар вздрогнул, так велика была его отрешенность от всего, что не было дыханием и жизнью вулкана.

— Отбой? — улыбнулся Владимир.

Ришар помахал кистью руки возле уха, показывая, что не слышит.

— Будем давать отбой? — крикнул Владимир.

Ришар широко открыл глаза и с негодованием закричал:

— Ты сошел с ума! Такое дано увидеть единицам из миллиардов, а ты — отбой. — Ришар раскинул руки. — Я потрясен, заморожен и околдован! И в знак своей безмерной благодарности я с головы до ног осыплю цветами Ингу и стану перед нею на колени!

— Она старше тебя на десять лет, юноша. Не забывайся! — усмехнулся Владимир.

— Ты остолоп, Володя, — с сожалением констатировал Ришар, — такие женщины, как Инга, не имеют возраста. Они как богини: вечно юны и прекрасны! — Он передохнул и молитвенно сложил руки на груди. — Молю тебя, командир! Подожди с отбоем, и пройдем немного вперед. Я чувствую, обоняю, осязаю — мы увидим что-то необыкновенное.

Он оказался прав. Необыкновенное открылось им, когда, прыгая по обломкам лавы, они обошли один из самых спокойных конусов. Конус с посвистом ревел на одной ноте, точно капризное дитя, лениво изрыгал пламя раскаленного газа и время от времени нехотя, словно по обязанности, плевался кусками вязкой темно-вишневой лавы. Ришар, оказавшийся впереди, вдруг остановился и восторженно заорал:

— Смотри!

Владимир сделал несколько шагов вперед, забрался на своеобразный пьедестал рядом с Ришаром и увидел нечто вроде огромного котла или кастрюли, в которой кипела и клокотала жидкая рубиновая лава. Сквозь этот рубин то здесь, то там мерцал золотистый спящий огонь глубинной магмы.

— Я говорил! — восторженно орал Ришар, размахивая руками. С одухотворенным диковатым лицом, на котором лежали багровые полыхающие блики, взлохмаченными волосами и порывистыми движениями, он был похож на сумасшедшего или шамана, исполняющего ритуальный танец. Владимир отметил это мимоходом, его захватило зрелище лавового котла.

Стоило лаве немного успокоиться, как поверхность ее начинала затягиваться серой эластичной пленкой, похожей на слоновью кожу. И вдруг эта открытая рана Земли начинала корчиться в судорогах, стонать и всхлипывать. Серая кожа

морщилась, коробилась, пока наконец не лопалась, рассыпая из трещин золотистые раскаленные брызги, и с утробным хлюпающим звуком не тонула в бурлящем раскаленном вареве.

С трудом очнувшись от чар этого зрелища, Владимир поднял кинокамеру и начал снимать адский котел на пленку. В душе его волнами то поднимался, то опускался слепой страх, смешанный с восторгом и трепетом перед мощью природы.

— О-о! Смотри! — расслышал он вопль Ришара.

И правда, зрелище было поразительным. Лавовый котел притих, и серая кожа затянула его полностью. Теперь она не коробилась, а поднималась и опускалась целиком, точно котел глубоко, судорожно вздыхал, давая себе передышку и набирая сил перед решительными действиями. Как-то вдруг Владимир с необычной остротой понял, что они слишком затянули игру с вулканом и что надо немедленно уходить. Ощущение опасности было настолько четким, что он не сделал даже попытки посоветоваться с Ришаром, а просто достал из кобуры ракетницу, собираясь дать серию зеленых ракет — условный сигнал сбора у глайдера. Но вулкан опередил его. Серая кожа, затягивавшая лаву, вдруг вздулась громадным пузырем, подобно тому как вздувается пенка над закипевшим молоком. Потом пузырь лопнул, и два потока раскаленной лавы хлынули через края котла.

4

Орбитальный лайнер приближался к берегам Африки, скоро на океане должны были всплыть верхушки ее гор, когда мужчина, мирно дремавший в кресле, открыл глаза и выпрямился. Цепко оглядевшись, он долгим взглядом проводил двух членов экипажа «Радуги», которые только что, обмениваясь короткими фразами, торопливо прошли мимо него. Еще раз оглядевшись, мужчина обратил внимание на девушку, стоявшую неподалеку и со сдержанным любопытством, исподтишка наблюдавшую за ним самим.

— Простите, — после легкого колебания обратился он к ней, — вы не расслышали, о чем говорили эти двое в форме? — Он кивком головы показал на удалявшихся членов экипажа.

Глаза девушки насмешливо прищурились.

— Я не имею обыкновения слушать разговоры посторонних людей, — отчеканила она, пользуясь, очевидно, случаем, чтобы хоть немного отомстить этому флегматичному лежебоке за вселенское равнодушие.

— Понимаю, — спокойно согласился мужчина, прямо глядя на нее внимательными серыми глазами, и с чуть уловимой властной настойчивостью повторил: — И все-таки они говорили достаточно громко. Мэйдэй, майский день. Или мне послышалось?

В глазах девушки отразилось любопытство.

— Да, он так и сказал: «мэйдэй». Я еще удивилась: по-

чему майский, ведь уже июль, почему по-английски и почему о майском дне нужно говорить в таком озабоченном тоне?

Эту фразу она договорила растерянно и, так сказать, по инерции, потому что мужчина, не дослушав ее, поднялся с шезлонга, пробормотал: «Простите» и торопливо зашагал, почти побежал вслед за членами экипажа.

— Спящий изволил проснуться? — засмеялись стройные загорелые парни.

— Проснулся, — рассеянно подтвердила девушка и взглянула на парней. — Знаете, по-моему, случилось какое-то несчастье.

— Несчастье? — с недоверчивой улыбкой переспросил один из парней. — Какое? Где?

Не отвечая на его улыбку, девушка задумчиво покачала головой.

— Не знаю. Но случилось, я чувствую это.

5

Лава устремила по склонам конуса двумя потоками: один справа, другой слева от того места, где стояли Владимир и Ришар. Когда оцепенение, вызванное неожиданностью, прошло, первым чувством, которое испытал Владимир, было удивление. Лава, казавшаяся в котле тихой, вязкой и тягучей, оказалась подвижной, как ртуть, и жидкой, как вода. Она не двигалась, не съезжала, а текла, катилась по склонам со скоростью стремительного горного потока, делая не менее двадцати километров в час. На ровном месте еще можно было попытаться от нее убежать, но здесь, в кальдере, среди лавовых натеков, обломков и пустот, человек был обречен. Лава быстро бы настигла его и сожгла, воспламенила бы как смолистый факел. Владимир зримо представил свою участь, выплеснись лава в его сторону, и похолодел. Но вместе с тянущим уколом страха он почувствовал и безмерное облегчение. Ему повезло, и опасность миновала! Однако радость была недолгой — а как остальные?

Одного взгляда окрест оказалось достаточным, чтобы разобраться в обстановке. Тор, несмотря на то, что он был дальше всех от точки излияния лавы, уже сориентировался и со всей возможной в этом каменном хаосе скоростью двигался к глайдеру. Было хорошо видно, что левый лавовый поток, который в принципе мог бы отрезать ему путь к стоянке, уже не успеет этого сделать. Поток уже успел расширить свой фронт до десятка метров и из огненной стремительной змеи понемногу превращался в темное, брызжущее искрами и плюющееся дымом неповоротливое чудище.

А вот с Ингой и Гаруном дело обстояло много хуже. Правый лавовый поток, двигавшийся по естественной ложбине, сохранил свою первозданную ярость и стремительность, он явно грозил отрезать их от глайдера. К тому же с беспечностью людей, увлеченных не только работой, но и друг дру-

гом, Инга и Гарун до сих пор не имели никакого представления о грозившей им опасности. Догадавшись об этом, Владимир машинально закричал и замахал над головой руками. Секундой позже, сообразив, что в грохоте и реве извержения его все равно никто не услышит, он почувствовал тяжесть ракетницы в руке и дал длинную серию зеленых ракет. Заметить ракеты было нетрудно, их цвет резко контрастировал с багровым пламенем вулкана, но те двое и не подумали поднять головы. Владимир с сердцем бессильно выругался.

— Бей прямо по ним! — крикнул ему в ухо Ришар.

Только теперь, вспомнив о нем, Владимир обернулся.

— Беги к глайдеру!

Ришар покосился на лавовые потоки.

— А ты?

— К глайдеру, черт тебя возьми! — свирепо заорал Владимир. — И готовь его к взлету!

Проводив Ришара взглядом, Владимир тщательно прицелился и дал серию ракет низом, стараясь, чтобы они попали в поле зрения товарищей у трещины. Это помогло. Инга и Гарун перебросились короткими фразами, обернулись к Владимиру и замахали над головой руками, показывая, что приняли сигнал. А потом, к изумлению и негодованию Владимира, неторопливо, не спеша, двинулись к стоянке. Они пошли старой дорогой, которой им было уже нельзя пройти. При этом высокий гибкий Гарун все время предупредительно помогал Инге — то протягивал ей руку, то поддерживал за талию, а Инга охотно, с нарочито замедленным кокетством принимала эти знаки внимания. Они могли еще успеть! Но каждая потерянная секунда делала эту надежду все более и более проблематичной. Задыхаясь от ярости и отчаяния, Владимир с трудом понял причины такого нелепо салонного в этой обстановке поведения Гаруна и Инги. Они просто не видели лавового потока, скрытого от них небольшим гребнем, а поэтому не представляли, не догадывались о грозящей им опасности! Ведь говорил же Тор, что нельзя сюда соваться без индивидуальных связных станций! Почему они не послушали его?

6

Забравшись на очередной обломок старой лавы, заметно возвышавшийся над остальными, Гарун вдруг застыл как мраморное изваяние. Он увидел наконец лавовый поток! Но было уже поздно. Лава успела отрезать дорогу к глайдеру и, упершись в отвесную стену кальдеры, стала разливаться, разваливаться в стороны. Инга медлила внизу, терпеливо дожидаясь помощи своего спутника. Так и не дождавшись ее, она передернула плечами и забралась на обломок сама. Машинально поправляя растрепавшиеся волосы, она огляделась, восторженно всплеснула руками и принялась теревить Гаруна. Тот резко обернулся к ней, бросив короткую фразу, и Инга разом присмирела. Потом она беспомощно оглянулась на Владимира, словно говоря: я все вижу, но что же теперь делать? Ты же старший, подскажи!

За это время Владимир уже принял решение. Пройти к глайдеру Гарун и Инга могли, лишь преодолев отвесную стену кальдеры, а они были неплохими альпинистами, но посредственными скалолазами, так что этот вариант отпал. Посадить глайдер там, где они сейчас стояли, тоже было невозможно — слишком искорежено и исковеркано там было дно кальдеры. Зато ближе к спокойному лавовому озеру, над которым в том же бесшумном танце извивался дымный султан, была ровная площадка, будто специально приготовленная для посадки. В сторону этой площадки Владимир дал серию ракет и несколько раз энергично махнул рукой. Последовал обмен довольно нелепыми, но очень выразительными жестами, после чего Инга и Гарун пошли к лавовому озеру, а Владимир со всех ног бросился к глайдеру.

Ввалившись на водительское место, Владимир некоторое время отдыхал, переводя дыхание и вытирая с лица обильный пот. Удивительно чистым, свежим и ароматным был в кабине воздух. Не воздух, а нарзан! И блаженная умиротворяющая тишина. В первую секунду Владимиру показалось, что он оглох или что уши ему плотно забила ватой. Грохот и рев проснувшегося вулкана доносился сюда будто издалека и вовсе не казался столь устрашающим и грозным. Старый капризный ворчун! Разольет лаву, попыхтит, поплюется в небо и успокоится.

Почувствовав руку на своем плече, Владимир обернулся.

— Что будем делать, Владимир? — Тор, как и всегда, был хладнокровен и невозмутим.

— Я наметил площадку! — привычно заорал Владимир. Неугомонный, неунывающий Ришар фыркнул.

— Я наметил площадку, — уже тише повторил Владимир, смущенно улыбаясь, — она ничуть не хуже этой, разве что простреливается бомбами. Гарун и Инга будут там минут через пять. Оттуда их и снимем.

— Пожалуй, ничего другого и не придумаешь, — философски заметил Тор.

— А зачем придумывать? — удивился Ришар. — И так все отлично! Умопомрачительные приключения в кратере действующего вулкана, несостоявшаяся трагедия, поиски и спасение влюбленных, торжество добра и справедливости. Что тебе еще надо?

— Ты болтун, — коротко констатировал немногословный Тор и повернулся к Владимиру: — Связи нет.

— Как нет? Почему?

— Не отвечает ни контрольная станция, ни станция базы. Очевидно, ионный экран. Но по вертикали, из космоса, кое-что пробивается. При нужде можно воспользоваться.

— Знаете что, надо стартовать, — вмешался нетерпеливый Ришар.

— Надо, — согласился Владимир и, оглядев товарищей, приказал: — Надеть респираторы.

— Это еще зачем? — удивился Ришар.

— На всякий случай.

Владимир надел респиратор, подождал, пока то же самое сделают его товарищи, и только после этого поднял глайдер в воздух.

7

Дверь в ходовую рубку оказалась запертой. Мужчина, минутой тому назад мирно дремавший в шезлонге, нетерпеливо позвонил раз и почти без паузы другой. Дверь отворилась.

— В чем дело? — сухо спросил юноша в форме космонавта. — В ходовую рубку посторонним вход воспрещен.

Он собрался захлопнуть дверь, но мужчина мягко, без усилия придержал ее.

— Вы приняли мэйдэй, — не столько спрашивая, сколько утверждая, сказал он спокойно.

Разглядывая непрошеного визитера, юноша колебался: хлопнуть дверь или все-таки продолжить разговор.

— Допустим, приняли. Что дальше? — неохотно проговорил он наконец.

— Вы стажер?

— Допустим, стажер. — Юноша потянул дверь сильнее и, так как она не подалась, повысил голос: — Я же ясно сказал — посторонним вход воспрещен!

Командир лайнера, сидевший в кресле первого пилота, услышал эту фразу и обернулся. Секунду он вглядывался в стоящего на пороге ходовой рубки мужчину, потом в знак приветствия помахал над головой рукой.

— Саша, пропусти его, — бросил он стажеру.

Юноша покосился на командира, перевел взгляд на мужчину, по-прежнему спокойно стоявшего на пороге ходовой рубки, и без особой охоты пропустил его. Между тем командир повернулся ко второму пилоту.

— Освободи место, Виктор. Ну-ну, ты что, не узнал его?

Наблюдая, как мужчина неторопливо, с привычной сноровкой занимает место второго пилота, командир лайнера проговорил:

— Я и не знал, что вы на борту. Рад вас видеть, Иван.

Пожимая протянутую руку, мужчина, которого командир назвал Иваном, пояснил:

— Я подсел в Гонолулу до первой посадки. Ни одного рейсового корабля, одни круизы.

— Время такое, лето, — невесело проговорил командир.

Приглядываясь к его сосредоточенному лицу, Иван спросил:

— Что по мэйдэю?

— Авария глайдера. Случайно наткнулись на их сигнал бедствия станцией дальней связи. Контакт поддерживаем с трудом.

— Почему с трудом?

Командир лайнера взглянул на Ивана удивленно, а потом, спохватившись и сообразив, что тот не знает сути дела, пояснил:

— Авария произошла в кратере действующего вулкана. А над ним, как это иногда бывает, мощнейшая зона ионизации.

8

Открыв глаза, Владимир некоторое время недоуменно оглядывался по сторонам: клубы бурого дыма, черная стена, козырьком нависающая над головой, рев, свист и грохот, от которых болят уши. Владимир попробовал приподняться, но острая боль в груди заставила его со стоном откинуться на спину и прикрыть глаза. Когда он снова открыл их, то на фоне дымного занавеса увидел спокойное рубленное лицо Тора.

— Лежи, Владимир, — сказал он негромко, — ничего серьезного. Ребра срastутся, и все будет в порядке.

Некоторое время Владимир, хмурия брови, смотрел в светлые глаза Тора, потом скосил глаза в сторону и увидел обломки разбитого глайдера. Как это могло случиться, почему?

— Кусок вязкой лавы, — догадавшись, о чем мучительно размышляет Владимир, подсказал Тор невесело. — Все-го-навсего кусок вязкой лавы. Заклинило рули управления.

Теперь Владимир окончательно припомнил, как все это произошло. Оказавшись над площадкой, возле которой стояли Инга и Гарун, он ввел глайдер в глубокую спираль. Иначе приземлиться было нельзя, можно было потерять площадку из вида. Все было хорошо, но, когда наступил момент вывода из спирали, штурвал не поддался. Счет времени шел на доли секунды. «Помоги», — прохрипел он, наваливаясь на штурвал всем телом. Будь Тор, сидевший с ним рядом, пилотом, все могло кончиться благополучно. Но Тор был не пилотом, а врачом, и не сразу понял, о какой помощи просит Владимир. А когда сообразил, в чем дело, и со всей медвежьей силой навалился на штурвал, было уже поздно. Совсем близко мелькнули лиловые обломки. Сокрушительный удар плоскостью показался Владимиру замедленным и нестрашным, будто происходило это во сне или на киноэкране. Он заметил, как мелкими брызгами рассыпалось боковое бронированное стекло, увидел бесшумный веер веселых разноцветных искр и только потом потерял сознание.

Владимир осторожно перевел дыхание, иначе было нельзя — ломило грудь, и взглянул в глаза Тора.

— Как обстановка? Как ребята, Инга?

— Все живем. Даже удивительно, что за чудо-машина — глайдер. У Инги ни царапины, у Ришара обычные синяки и шишка. Нам повезло меньше. У тебя сломано несколько ребер, а у меня ключица.

— А Гарун?

— Пока без сознания, сотрясение мозга.

— Как?

— Его ударило по голове обломком плоскости. Он успел прикрыть Ингу и основной удар принял на себя.

— Сигнал бедствия подали? Связь есть?

— Есть, — Тор будто с недоумением пожал могучими квадратными плечами, — на паршивой аварийной станции мы сразу каким-то чудом установили связь с космолайнером «Радуга». «Радуга» вызвала спасателей. Минут через сорок они будут здесь.

Тор глубоко вздохнул и мрачно усмехнулся.

— В общем, повезло.

Тон, которым было сказано это «повезло», сразу заставил Владимира насторожиться. Его обостренный тревогой взгляд заметил то, что, вообще-то говоря, давно надо было заметить: Тор был в респираторе. Владимир осторожно шевельнул рукой, подтянул ее к подбородку и нащупал респиратор на своем лице.

— Газ, — пояснил Тор, заметивший его движение, — без респираторов невозможно. — И со слабой улыбкой добавил: — Если бы не твоя предусмотрительность, мы бы

уже встретились с праотцами. Минуты две все валялись без сознания. А здесь этого достаточно.

— Ничего, — пошутил Владимир, — у нас все еще впереди.

— Вот именно, — без улыбки согласился Тор.

Владимир смотрел на него с нараставшей тревогой. Тор осторожно положил свою лапу на руку товарища.

— Владимир, мы ведь мужчины?

— Конечно, Торик, — не сразу ответил старший группы.

— Тогда слушай...

9

Иван некоторое время с недоверием разглядывал командира лайнера. Убедившись, что тот не шутит, он с ноткой уважения спросил:

— Прямо в кратере? И кто же — научная экспедиция?

Командир покачал головой.

— Хуже, туристы по лицензии. Четверо мужчин, трое из них ранены, и одна женщина.

— Да, это хуже, — согласился Иван. — Как их туда занесло?

— Вулкан спокойный, гавайского типа, с лавовым озером на дне кальдеры. Давно открыт для туристов, прошедших, разумеется, спецподготовку. А в эту ночь после землетрясения вулкан активизировался. Они и полезли в самое пекло.

— Горе с этими туристами, — вздохнул Иван. — А что же контрольный пост?

— Разрушен землетрясением.

— Н-да, одно к одному. Теперь, надеюсь, все в порядке?

Командир лайнера отрицательно покачал головой. И в ответ на вопросительный взгляд собеседника пояснил хмуро и словно нехотя:

— Глайдер потерпел аварию в сильно загазованной зоне. Находиться там можно только в респираторах. Кислорода у них, — командир взглянул на часы, — минут на десять. А спасатели придут не раньше чем через тридцать-сорок минут.

Лицо Ивана отвердело.

— Так, — пробормотал он в раздумье и остро взглянул на командира лайнера. — Ну а вы-то, вы сами что-нибудь предпринимаете?

Командир выдержал этот взгляд и, пряча обиду, холодно ответил:

— Разумеется. Запросил посадку на старботе по месту бедствия. Жду решения.

Взгляд Ивана потеплел.

— Правильно, — одобрил он, — другого в этой ситуации не придумаешь. Сколько в резерве до отцепки?

— Порядка шести минут.

— Чего же на КП волынят?

На командном пункте словно услышали эту фразу: заго-

релась индикаторная лампочка связной станции, и суховатый голос главного диспетчера бесстрастно проговорил:

— «Радуга», я — «База-два». По месту бедствия условия высшей сложности. Вероятность успеха менее тридцати процентов. Запрещена посадка всем летательным аппаратам из космоса и мезосферы.

— Я — «Радуга», понял, — привычно ответил командир и, не удержавшись, зло добавил: — А ребята в кратере пусть пропадают?

— Не мелите ерунды! — сердито ответил главный диспетчер, тоже не удержавшись в официальных рамках. — Спасатели имеют группу реанимации. Вероятность успеха у них более семидесяти процентов. — И после легкой паузы холодно добавил: — С борта «Радуги» посадку запрещая. Как поняли?

— Понял, запрещаете, — ответил командир лайнера.

Иначе он и не мог ответить на прямое приказание командного пункта.

10

Светлые прозрачные глаза Тора прямо смотрели на Владимира.

— Ты понял ситуацию?

— Да, — горько ответил Владимир и прикрыл глаза.

Спасатели опаздывают почти на полчаса. Значит, смерть. Потом реанимация. И если немного повезет, воскрешение к новой жизни. Но сначала смерть в цепких когтях сернистых газов, которые будут раздирать легкие, мучительная смерть от недостатка кислорода, в судорогах кашля и рвоты. Владимир беспокойно пошевелился и открыл глаза:

— Тор, послушай.

Тор склонился к лицу товарища, чуть поморщившись от боли в сломанной ключице.

— Слушай, ведь при отравлении вероятность реанимации падает?

— Да, примерно вдвое.

Владимир размышлял, лицо его имело такое выражение, что Тор так и остался в неудобной позе, склонившись к его лицу.

— Торик, — Владимир нащупал руку товарища, — пойми меня правильно, Торик. Если смерть неизбежна, то глу... и страшно умирать от газа. Ведь правда?

— Правда, — не сразу ответил Тор.

Владимир взглянул ему в глаза.

— Надо... ты врач, понимаешь?

Светлые глаза Тора смотрели бесстрастно.

— Понимаю.

Владимир облегченно передохнул.

— Кто на связи?

— Ришар и Инга. Если будет что-нибудь важное, Инга прибежит.

— Ну вот. Ты сделаешь это мне, Гаруну и себе. А Ри-

шар и Инга, используя остатки кислорода, примут спасателей.

— Двоим кислорода не хватит, — жестко проговорил Тор.
— Ничего, они сами решат, как быть дальше. — Владимир зябко повел плечами. — А... как ты думаешь сделать это?

— Лучше всего самый простой и древний способ — вскрыть вены, — медленно проговорил Тор, — но это долго. Долго и... тяжело. Рациональнее всего инъекция леталина. Остановится сердце, вот и все. На всякий случай я приготовил все, что нужно.

— Хорошо, — после паузы согласился Владимир и спокойно шевельнулся. — Не будем медлить. Начинай с меня.

Тор бережно положил свою большущую лапу на руку товарища.

— Надо подождать, Владимир. Командир «Радуги» запросил разрешения на посадку, хочет нас вывезти отсюда.

— На лайнере? — изумился Владимир.

— На старботе. Если ему разрешат, он успеет. Вприщип, но успеет.

Владимир молчал секунд десять, а потом грустно сказал:

— Это безумие. На старботе, без обеспечения, приземлиться здесь невозможно. Не спорь, я сам пилот, знаю. К чему лишние жертвы? И мы сами во всем виноваты. Надо радировать, что мы отказываемся от такой помощи.

11

Почему диспетчеры часто бывают сухарями и формалистами? Работа делает их такими? Или, напротив, на диспетчерскую работу подбираются люди с таким характером?

Иван вздохнул. Хуже всего, что диспетчер прав. Посадка в кратер вулкана из космоса в условиях высшей сложности — никому не нужная игра в кошки-мышки с самой смертью. А семьдесят процентов успеха, несомненно, куда весомее тридцати. Почему же решение диспетчера вызывает протест? Что раздражает в нем? Может быть, то, что, сидя в удобном кресле, он безапелляционно и хладнокровно обрекает пять человек на верную смерть и последующее так или иначе проблематичное воскрешение? И, собственно, какое дело до всего этого ему, Ивану Лобову? Ведь он в отпуске, на отдыхе, а в Найроби его ждет Лена.

Лобов вздохнул, потер рукой подбородок и обернулся к командиру лайнера.

— Ракеты у них есть?

— У кого? — не понял командир.

— У терпящих бедствие, — с некоторым раздражением на такую недогадливость пояснил Лобов.

— Есть, — командир с интересом приглядывался к Ивану, — специально уточнял. Я ведь хотел садиться по ракетам.

— Иначе там не сядешь, — задумчиво подтвердил Лобов.

Он все еще никак не мог решиться. Будь это в дальнем космосе, он бы, не раздумывая, поспешил на помощь попавшим в беду, а вот здесь — размышляет. Наверное, дело в том, что на далеких планетах нет ни службы безопасности, ни спасателей, ни сухарей-диспетчеров. И Лена не присылает там телеграмм с извещением, что прибыла на Землю и хочет как можно скорее его увидеть.

Поймав боковым зрением пристальный, понимающий взгляд командира лайнера, Лобов усмехнулся.

— А что, если я попробую запросить посадку? Вы разрешите?

В короткое мгновение лицо командира отразило сложную гамму чувств: легкое удивление, сочувствие и уважение. Подняв оранжевый предохранительный колпачок, командир щелкнул переключателем и коротко проговорил:

— Передаю управление.

— Управление принял, — ответил Иван и вышел на внешнюю связь. — Я — «Радуга», глобального диспетчера на связь, аварийно.

— Понял, ждите.

Через десять секунд послышался старческий глуховатый бас:

— Глобальные на приеме.

— Борт «Радуги», Лобов, карт-бланш два нуля три. — Если бы Иван сейчас обернулся, он бы увидел, какими взглядами обменялись второй пилот и стажер: шутка ли, за управлением сидел пилот высшей квалификации, владелец открытого листа, разрешающего ему самостоятельно принимать решения и лишь информировать о них Землю. — Прошу проводку и данные для посадки с орбиты по месту бедствия.

Вместо ответа на пульте управления осветился экран видеодисплея. На Лобова взглянули спокойные, чуть удивленные глаза.

— Иван? Какими судьбами?

— Случайно, летел пассажиром.

Глобальный пожевал губами, разглядывая космонавта.

— Там почти нулевая видимость на всех частотах спектра.

— Догадываюсь. — Лобов позволил себе улыбнуться. — Но ведь не первый раз.

— Вот именно, — проворчал глобальный. — Как думаешь садиться?

— Визуально, по ракетам.

Глобальный снова пожевал губами, разглядывая Лобова, и уже официально ответил:

— Запрос по карт-бланш два нуля три принят. Включаю проводку и системы обеспечения.

— Понял, — Лобов перешел на внутреннюю связь, — бортинженер.

— Слушаю!

— Старбот — в готовность номер один. Загрузить до-

полнительную емкость с кислородом и транспортер. Блок посадки — на внешние данные.

— Понял, выполняю.

— Начальник связи! Обеспечьте связь по мэйдэю.

— Позывной по мэйдэю — «Чайка». Ждите, — ответил невозмутимый тенорок, — сильные помехи.

— «Радуга», Лобову, «База-один», — послышался бас глобального диспетчера, — проводка выполнена, данные на посадку переданы.

— Лобову, данные на посадку приняты, введены в блок управления, — подтвердил бортинженер.

— Иван, — опять вмешался глобальный, — до отцепки три минуты. Поторопись.

— Понял, три минуты. Нет связи по мэйдэю. Сколько натянете по максимуму перегрузки?

Глобальный кашлянул.

— Пойдешь один?

— Один.

— До пяти натянем.

— Понял, по максимуму пять минут.

— «Чайка» на приеме, — включился в разговор тенорок начальника связи.

— Давайте.

Щелкнул автомат-переключатель, и ходовую рубку наполнил плотный, густой шум, пересыпанный тресками и писком. На этом фоне слабый, искаженный фильтрами голос проговорил:

— «Чайка» на приеме.

12

Задумавшийся Тор вдруг поднял голову и насторожился: прыгая по обломкам лавы, коза да и только, к ним приближалась сияющая Инга с беспроводным шлемофоном в руке.

— Ребята! — закричала она, задыхаясь, и опустилась на колени рядом с Владимиром. — Все в порядке! Владик! Мы спасены! И не будет никаких дурацких реанимаций!

Она обвела мужчин торжествующими сияющими глазами.

— А ты что не радуешься, медведь?

Тор, переглянувшись с Владимиром, невозмутимо спросил:

— Каким образом спасены?

— Старботу разрешили посадку. Через две минуты отцепка, понятно?

Тор и Владимир переглянулись снова. Владимир нахмурился и твердо проговорил:

— Это безумие! Посадка из космоса сюда невозможна. Надо немедленно радировать отказ, Инга!

— Поздно дискутировать, — бросив взгляд на часы, коротко проговорил Тор. — Отцепка уже произведена.

Инга вдруг спохватилась и начала торопливо надевать на голову Владимира беспроводной шлемофон.

— Да ты слушай! Он в порядке, мы проверили.

Наушники-противошумы плотно легли на уши Владимира, и грохочущее буйство вулкана сразу выцвело и поблекло. Владимир погрузился в мир шорохов, тресков и подчеркнута спокойных голосов.

— Я — бот, отцепку выполнил, иду по расчетной траектории, вас слышу нормально.

— Вас слышу хорошо, — ответил голос Ришара.

— Всех людей в укрытие.

— Они в укрытии.

— Понял, в укрытии. По моей команде лечь на землю, закрыть глаза.

— Понял, секундочку. Инга, Владимир! — спросил Ришар. — Команды принимаете?

— Слышу хорошо! — ответил Владимир, плотнее прижимая ларингофоны к своему горлу. — По команде с бота лечь на землю, закрыть глаза.

— Поняли правильно, — подтвердил Лобов. — Обеспечивающего с ракетами на центр посадочной площадки.

— Я на центре с рацией и ракетами, — ответил Ришар.

— Наметьте укрытие для себя.

— Наметил, не волнуйтесь.

— Удаление укрытия?

— Метров двадцать.

— Ляжете лицом вниз, голову прикройте одеждой, откройте рот.

— Понял, сделаю.

Слушая этот разговор, Владимир наблюдал за товарищами. Инга что-то сказала Тору, и они вдвоем приподняли Гаруна, так и не пришедшего в сознание, и положили неподалеку от Владимира. Гарун порывисто, беспокойно дышал, крупные капли пота выступили на его лбу.

— «Чайка», приготовиться. По команде принять меры безопасности, начать пуск ракет.

— Понял, к пуску готов. Владимир! Как слышишь?

— Слышу хорошо. Приготовиться! — Это Владимир прокричал своим товарищам.

— Внимание! — послышался напряженный голос.

Секунда, другая, третья — и короткая, как выстрел, команда.

— Пуск!

— Есть пуск!

Потом Владимир, Тор и Инга признались друг другу, что, хотя все легли на землю, глаза не закрыл никто. Они видели, как в дымное темное небо непрерывной струей ле-

тели зеленые звезды ракет, казавшиеся голубыми по контрасту с багровым пламенем вулкана. Сердце Владимира билось частыми мощными толчками. Он был пилотом и знал, что наступил решающий момент. Если тот, кто сидит за штурвалом старбота, используя мощную дифференциальную оптику, засечет точку пуска ракет, все будет в порядке. А если нет? Что будет тогда? Владимир не знал. И вдруг короткая команда.

— Ракеты вижу. В укрытие!

— По-о-онял! — торжествующе заорал Ришар.

— Закрыть глаза!! — изо всех сил прокричал Владимир.

Сам он не только зажмурился, но и прикрыл глаза руками. И все равно увидел ослепительную вспышку пламени. Это яростная, до глубины раскаленная плазма, как молот, ударила в дно кальдеры. В воздух взлетели обломки лавы, пышно закружилась, завихрилась пыль. Вой двигателя, работавшего на пределе мощности, заглушил, поглотил тяжкий грохот вулкана.

13

Оглушенный Владимир не сразу понял, когда стих неистовый вой двигателя. А когда понял, осторожно приоткрыл глаза и, морщась от боли, приподнялся на локте. Тяжело дыша, он напряженно вглядывался в дымно-багровую клубящуюся завесу пыли. Что она скрывала за собой?

Пыль оседала, понемногу стали вырисовываться остроносый старбот... и силуэт космонавта, казавшийся из-за оптического обмана сказочным гигантом — почти таким же большим, как и сам спасательный корабль. Мгновенье постояв неподвижно, сказочная фигура сделала неуверенный, ведь ничего не было видно, шаг вперед.

— Мы здесь! — из последних сил крикнул Владимир и, почти теряя сознание, откинулся на спину.

Он уже не видел, как Ришар, перепрыгивая с камня на камень, бежал к космонавту. Одежда на Ришаре обгорела, волосы были опалены, но он смеялся, размахивая руками и во весь голос орал что-то восторженное и бестолковое.